

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ КАК ПЕРЕКРЕСТОК МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНТЕРЕСОВ

*Работа представлена кафедрой мировой политики
Санкт-Петербургского государственного университета
Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. А. Алимов*

В представленной статье рассматривается Южный Кавказ как регион, имеющий важное геополитическое значение, анализируются политически и экономически значимые качества региона, позволяющие провозгласить его зоной стратегических интересов основных глобальных и региональных акторов.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Армения, Азербайджан, Грузия, безопасность, конфликт, инфраструктура.

D. Gasparyan

THE SOUTHERN CAUCASUS AS A CROSSROADS OF INTERNATIONAL INTERESTS

The article is dedicated to consideration of the Southern Caucasus as a region of geopolitical importance. The author analyses politically and economically significant qualities of the region, due to which it can be called a zone of strategic interests of the main global and regional actors.

Key words: Southern Caucasus, Armenia, Azerbaijan, Georgia, security, conflict, infrastructure.

За последние месяцы Южный Кавказ вновь оказался в центре внимания международной общественности и информационных агентств. Последовательное наращивание уровня своего присутствия в регионе региональными государствами, а также глобальными международными акторами превратило Южный Кавказ в центр столкновения глобальных геополитических интересов. В геополитической концепции Черноморско-Каспийского региона ключевое значение южнокавказского пространства неоспоримо, и не случайно, что, как и ранее, регион находится в эпицентре интересов ведущих стран мира.

Совершенно очевидно, что последний вооруженный конфликт в Закавказье, столкновение между Грузией и Осетией, последующие действия России и связанная с ними реакция международных новостных агентств и мировых лидеров, в частности США, выходят далеко за рамки необходимости восстановления территориальной целостности Грузии или выполнения миротворческой функции РФ. Безусловно, это часть большой игры, кровавой ареной которой стал Южный Кавказ.

В этой связи возникают вопросы. Почему именно этот небольшой по своей площа-

ди регион стал предметом пристального внимания мировых центров сил? В чем геополитическая привлекательность Закавказья и какую роль будет играть Кавказ в системе международных отношений?

Распад Советского Союза повлек за собой серьезные геополитические изменения на всем постсоветском пространстве и в Закавказье в частности, в результате которых были созданы благоприятные условия для участия в политических процессах на Южном Кавказе для региональных государств и мировых держав.

В начале 1990-х гг. Кавказ и в более широком плане Кавказско-Каспийский регион оказался в центре соперничества различных стран и политических сил, поскольку стал рассматриваться в качестве источника баснословных природных ресурсов, прежде всего – углеводородного сырья. Углеводородные ресурсы региона превратились в одну из стержневых проблем современной международной политики [4, с. 44].

Для такой активной политики традиционных и новых игроков в Закавказье есть ряд объективных причин.

В результате распада Советского Союза и образования на территории Южного Кавказа трех национальных независимых государств регион стал первичным полем для развития новых региональных соревнований в эру после холодной войны. Наиболее точно значение Южного Кавказа в мирополитическом контексте охарактеризовал З. Бжезинский, который, говоря об одной из стран региона – об Азербайджане, писал, что, несмотря на ограниченные территориальные масштабы и незначительное по численности население, Азербайджан с его огромными энергетическими ресурсами в геополитическом плане имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю. Собственные и весьма значительные нефтяные ресурсы Азербайджана могут так-

же быть подчинены контролю России, если независимость этой страны окажется аннулированной. Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии [3, с. 46]. Однако остается неясным то, что на самом деле является камнем преткновения между мировыми акторами в регионе. Это зависит от множества факторов, и проблемы включают в себя доступ к ресурсам нефти и газа; возможность влиять на геостратегически важный регион мира; потребность выживания в недавно сформулированном жестком конкурентоспособном окружении и, наконец, потребность устанавливать контроль. Надо понять, насколько эти новые факторы важны для новых и старых игроков, чтобы объявить этот регион сферой их жизненно важных национальных интересов.

Первый аргумент рассматривает регион как стратегический перекресток. Это попытка восстановить прошлую важность Кавказа и Средней Азии как Великого шелкового пути – торгового маршрута между Китаем, Ближним Востоком и Европой. Однако, как замечает А. Ливен, «такая конъюнктура исчезла в конце пятнадцатого столетия с открытием европейцами морского маршрута к Азии вокруг Африки, а позже, с 19-го века, через Суэцкий канал. Это никогда больше не будет фактором глобальной важности, учитывая вместимость современных грузовых судов, а также огромное расстояние, ужасные дороги, и ненадежность наземного маршрута» [8, с. 90].

Второй аргумент касается нефтяных и газовых запасов, которые часто описываются как одни из наибольших в мире. Однако добыча нефти в других прикаспийских странах, в Азербайджане, Казахстане, Туркменистане, составляет всего около 2,1 млн баррелей в сутки, или 2,6% от общей мировой добычи. Они располагают значительными подтвержденными запасами и ресурсами. По прогнозам экспертов, добыча нефти в этих странах будет

увеличиваться и, возможно, к 2016 г. может удвоиться [7]. Но ранние ожидания, что нефть Каспия могла стать альтернативой поставкам нефти с Персидского залива, не оправдываются ни известными потенциальными запасами региона, ни потребностями мирового энергетического рынка. Надо также учесть то, что мировые потребности нефти увеличиваются и государства разрабатывают все новые месторождения. Кроме того, все более серьезным становится фактор разработки новых технологий с условием значительного снижения ресурсов и энергопотребления [10, с. 13]. Одновременно строительство нового трубопровода сделало транспортировку нефти по территории Южного Кавказа дорогой, не говоря уже о небезопасности закавказского маршрута.

Геополитическая значимость Южного Кавказа, конечно, базируется на наличии запасов углеводородов, и стабильность на Кавказе является жизненно важным условием непрерывной транспортировки каспийских нефти и газа. Хотя сама по себе кавказская доля глобальных запасов нефти и газа незначительна, однако в свете ненадежности запасов Персидского залива, а также возможности использования Россией поставок энергоносителей в качестве политического инструмента, транспортировка каспийских и центрально-азиатских (Казахстан и Туркменистан) энергетических запасов на Запад приобрела жизненно важное значение [6, с. 2].

Важность региона также возросла в результате энергетической политики стран-потребителей на Западе, стремящихся сократить степень зависимости от ресурсов России и Ближнего Востока. Некоторые страны и организации прилагают усилия, чтобы положить конец почти полной российской монополии на транспортировку энергоносителей в Евразийском регионе. Для этого создаются альтернативные трубопроводные маршруты. Иными словами, для государств Запада развитие транспортных инфраструктур и транзит энергоресурсов по территории Южного Кавказа в первую очередь имеет не экономическое, а политическое значение.

Третий аргумент, который активно продвигают США и ЕС, касается того, что неф-

тяное и газовое развитие, равно как и восстановление Шелкового пути, принесли бы стабильность, демократию и процветание в регион. Как утверждает американский эксперт Пол Старобин, «это может показаться ироничным, но суть в том, что США не хотят, чтобы непредсказуемые и хаотические изменения в регионе расширили ее влияние там даже ради “демократических и рыночных реформ”». Важные вопросы здесь – стабильность и предсказуемость, а не сами по себе изменения. США не могут открыто преследовать цель строительства устойчивых и процветающих демократических государств в отдаленном и незнакомом регионе с традициями глубокой бедности, бесконечной племенной и этнической вражды, и коррумпированной диктатурой» [11]. Однако, на взгляд автора, такая демократизация региона прежде всего основана на военно-политических мотивах и имеет целью установить контроль на Южном Кавказе как в важном в геостратегическом плане регионе.

В торгово-экономическом плане значение региона также очевидно. Благодаря своему положению регион может играть роль транспортного коридора для стран средней Азии и Европы через Каспий и Турцию. Одновременно первостепенное значение Южного Кавказа в военно-стратегическом плане сделало его экономическое значение второстепенным. После распада СССР кавказская политика Вашингтона была направлена на выдавливание из региона России и Ирана. Подобное развитие событий противоречит интересам государств региона. Все они жизненно заинтересованы в том, чтобы Южный Кавказ начал играть важную роль в транзите энергоносителей из Центральной Азии.

Армения изначально оказалась исключенной из процесса выстраивания новых энергокоридоров ввиду нерешенности карабахской проблемы. В результате пока на роль транзитных государств могут претендовать только Азербайджан и Грузия. Успешное развитие Южного Кавказа и превращение его в важный фактор экономического развития всего Каспийского региона возможно лишь в том случае, если этому перестанет препятст-

зовать важное военно-стратегическое положение этого региона. Для этого необходимо, чтобы ситуация на Ближнем Востоке изменилась коренным образом, а также чтобы имеющие свои интересы в регионе региональные и мировые державы отказались от конфронтационной политики и научились учитывать взаимные интересы [1].

С определенной сдержанностью можно даже утверждать, что происходящее в регионе в течение последних лет может быть охарактеризовано как «неявное появление двух противоборствующих групп». Важно подчеркнуть, что отношения в пределах этих групп, так же как и внутри них, все еще являются нестабильными, у них иногда могут расходиться интересы и даже может быть взаимозависимость по определенным проблемам от государств из состава противостоящей группы. Две группы государств развиваются примерно по прозападным и пророссийским направлениям. Новое равновесие сил, таким образом, развивается в регионе почти беспрепятственно и без противостояния ни со стороны региональных сил, ни со стороны внешних игроков [10, с. 12].

Сегодня Закавказье представляет собой своеобразную буферную зону между странами НАТО и Российской Федерацией. Мировые акторы продолжают последовательно распространять свое влияние в регионе, так как, подчинив Южный Кавказ своему контролю, они делают безопасными «свои границы».

По мере усугубления противоречий между складывающимися мировыми центрами политическая ситуация на Южном Кавказе становится все более сложной и противоречивой. На любое, даже самое незначительное изменение политической конъюнктуры региона воздействует целый комплекс геостратегических, финансово-экономических, коммуникационных интересов таких глобальных движущих сил международной политики, как США, Россия, ЕС и Китай, и локально-региональных сил в лице Ирана и Турции [2].

Таким образом, одной из причин активного поведения международных сил в регионе Южного Кавказа заключается в том, что Запад в лице США проводит политику, на-

правленную на подчинение региона своему политическому контролю, для чего использует мягкие и жесткие методы своего внешнеполитического арсенала. Одновременно для достижения поставленных перед собой целей США необходимо изолировать Россию от политических процессов, происходящих в регионе.

Подтверждением военно-политических мотивов США служит также тот факт, что, несмотря на то что грузинское руководство декларирует полную интеграцию своей страны в европейские структуры и провозглашает основными американские ценности, сегодня на повестке дня стоит вопрос включения Грузии в состав НАТО, но никак не ЕС. Такая ситуация объясняется в том числе нежеланием Европейского союза дальше расширять свои границы, а во включении Грузии в НАТО заинтересованы США и некоторые их партнеры. То же самое касается и других закавказских государств, так как для реализации ближневосточных планов Западу нужна поддержка всех стран региона. Но при этом рычагов для воздействия на Армению и Азербайджан у США гораздо меньше.

В свою очередь, регион имеет ключевое значение для России. Южный Кавказ соседствует с самым нестабильным регионом Российской Федерации – с Северным Кавказом. Безопасность границ России во многом зависит от ситуации в Закавказье. Несмотря на стремление грузинского руководства включить свою страну в состав НАТО, Россия не может допустить такого приближения североатлантического альянса к своим границам.

Характерным является то, что в последнем кавказском конфликте позиция России не могла быть иной. Во-первых, она не могла принять такого рода «политическую пощечину» от США. Россия неоднократно давала понять, что будет поддерживать мирный путь урегулирования закавказских конфликтов и не допустит силового решения осетинского и абхазского вопросов. Во-вторых, решение территориальных проблем облегчило бы процесс вступления Грузии в НАТО, что явно противоречит геостратегическим интересам России на юге. В-третьих, любая более

мягкая реакция на сложившуюся ситуацию со стороны России самым пагубным образом отразилась бы на ее имидже как международного партнера по безопасности и свела бы к нулю российские концепции безопасности последних лет, в том числе создание ОДКБ.

Последствием августовских событий на Кавказе стала активизация внешнеполитической деятельности региональных и глобальных акторов в регионе, которые предложили свою помощь в реализации программ по безопасности Закавказья, тем самым делая попытки упрочить там свои позиции.

Одной из первых ситуаций вокруг Южного Кавказа воспользовалось турецкое руководство. В последние годы Турция стремится укрепить свои позиции на мировой арене, претендуя на роль не региональной, а мировой державы. С начала 1990-х гг. она не прекращала попытки закрепить за собой роль «старшего брата» для закавказских республик, однако по ряду объективных причин, таких как историческая вражда с Арменией, Турция не удавалось в полной мере реализовать свой внешнеполитический потенциал. 11 августа, в связи с обострением грузино-югоосетинского конфликта, турецкий премьер Реджеп Тайип Эрдоган заявил о возможности создания некоего союза типа «Кавказского альянса» со включением в структуру России и США.

20 августа появилось «официальное» название альянса «Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе» (ПССК) с довольно значимой конкретизацией Т. Эрдогана: «В первую очередь платформа должна иметь географическую основу... преследовать цель установления мира и безопасности в регионе, обеспечения экономического сотрудничества и энергетической безопасности. Данная платформа должна опираться на принципы ОБСЕ» [5].

Инициатива Турецкой Республики и новая «футбольная дипломатия» Армении создали беспрецедентный ажиотаж вокруг армяно-турецких взаимоотношений, роли Турции в регионе и разрешения нагорно-карабахского конфликта. Приезд в Ереван президента Турции А. Гюля сопровождался не-

одобрительными высказываниями в Азербайджанской Республике. В армянской общественно-политической среде также неоднозначно воспринималась новая политика руководства страны в отношении соседнего государства, однако конструктивный подход к решению межгосударственных проблем в основном был одобрен.

Характерно то, что в указанный период высказывания официальных лиц государств региона в отношении своих соседей, которые прежде отличались жесткостью и бескомпромиссностью, стали гораздо более обтекаемыми. Однако уже после встречи министров иностранных дел Армении, Турции и Азербайджана 26 сентября в Нью-Йорке возобновился прежний тон переговоров, и будущее армяно-турецкий отношений начали ставить в зависимость от позиции Армении по международному признанию геноцида армян в Османской Турции и по Нагорно-Карабахскому конфликту.

Возобновление своеобразного статус-кво в регионе свидетельствует о том, что государства региона и ее ближайшие соседи пока не готовы добиться серьезных подвижек за столом переговоров, так как есть серьезные разногласия по базовым вопросам региональной политики. Хотя сегодня руководства стран региона и непризнанных республик положительно оценивают инициативу Турции по ПССК и заявляют о своей готовности стать частью этой программы, противоречия внутри региона достаточно сильны и пока они не преодолены, а также отсутствует компромисс по принципиальным вопросам, сотрудничество на уровне всего региона маловероятно. С Арменией Турция пока еще не достигла конкретных договоренностей и боится слишком резкого сближения с ней, чтобы не лишиться своего главного закавказского союзника в лице Азербайджана, окончательный ответ по ПССК пока не дала Россия. США, в свою очередь, станут протестовать против плана, так как в результате его реализации фактически рискуют потерять существенную часть своего влияния на Кавказе. Конечно, Америка может потребовать роль полноправного участника этого проекта, од-

нако в этом случае перспективы ее эффективной реализации весьма туманны ввиду конфронтационного характера взаимоотношений РФ и США.

Подтверждением этому является то, что, несмотря на мировой финансовый кризис, который сместил акценты с южнокавказской проблематики на экономические, США продолжают свою деятельность, направленную на увеличение влияния на Южном Кавказе. После встречи министров иностранных дел Армении, Азербайджана и Турции в Нью-Йорке сопредседатель минской группы ОБСЕ от США Мэттью Брайз в интервью Русской службе Би-Би-Си заявил, что, по мнению США, решение карабахского вопроса должно основываться на территориальной целостности Азербайджана [9]. Это заявление и череда предшествовавших ей событий дали основание говорить о том, что Вашингтон намерен провалить в регионе свой сценарий урегулирования карабахского конфликта, который в конечном итоге должен привести к втягиванию Азербайджана в НАТО. При этом очевидно, что Армения и НКР не согласятся на представленный поэтапный план урегулирования, который предполагает передачу Азербайджану семи «оккупированных» территорий в обмен на гарантии со стороны Баку проведения в непризнанной республике референдума о независимости, снятие Азербайджаном и Турцией блокады с НКР и ввод миротворческих сил в зону конфликта. Участие Армении в транспортных проектах, таких как TRACECA и Nabukko, также ставится в зависимость от позиции страны по карабахскому вопросу. Однако, несмотря на нестабильную социально-экономическую ситуацию, которая ухудшилась после войны в Грузии, Армения не спешит соглашаться с такой постановкой вопроса и проводит свою политику, направленную на признание НКР. Россия же, в свою очередь, пытается минимизировать влияние США на карабахское урегулирование, так как в случае решения своих территориальных проблем с помощью США Азербайджан, который уже связан с Турцией трубопроводами и где присутствует западный нефтяной капитал, может начать актив-

ные шаги, направленные на вступление в НАТО. Озвученная в ходе последнего визита в Ереван инициатива российского президента и последовавшая за ней встреча президентов России, Армении и Азербайджана в Москве, результатом которой явилось подписание Московской декларации, подтверждает это. Можно также утверждать, что данной инициативой Россия еще раз продемонстрировала свою весьма весомую роль на Кавказе и последовательность своей политики.

Таким образом, Южный Кавказ продолжает представлять собой перекресток интересов мировых и региональных акторов. Несмотря на подписание декларации по нагорно-карабахскому урегулированию, нерешенными остаются ряд принципиальных вопросов: миротворцы каких стран будут размещены в регионе конфликта, если будет достигнута такая договоренность? Кто будет иметь право голоса на референдуме по независимости, если такой будет иметь место? Отсутствие конкретики по этим и другим вопросам может привести переговоры в тупик. Основные разногласия сторон, на наш взгляд, связаны именно с этими вопросами, и, учитывая сложившуюся геополитическую обстановку, в регионе можно скептически относиться к заявлениям о скорейшем мирном урегулировании карабахского конфликта.

Таким образом, на основании изложенного можно утверждать, что, пока государства и непризнанные республики региона не придут к единому мнению по основным внешнеполитическим вопросам, сложно будет говорить о региональном сотрудничестве или координации внешнеполитической деятельности. При отсутствии политической воли и инициативы к переговорам Южный Кавказ еще не раз будет оставаться разменной монетой в глобальной политической игре, и для превращения из политически значимого региона в экономически важную область мира необходимо разрешение основных политических вопросов. Только впоследствии проект ПССК, представленный турецким премьером, может быть реализован.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крылов А.* Южный Кавказ: военный плацдарм вместо капиталистического рая // Интернет-журнал «Новая Политика». URL: <http://www.novopol.ru/article18731.html>
2. *Гаджиев А.* Южный Кавказ – центр противостояния или сотрудничества? URL: <http://www.kreml.org/opinions/143001554>
3. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., Международные отношения, 1997. 256 с.
4. *Гаджиев К. С.* Геополитика Кавказа. М., 2001. 464 с.
5. Заявление для печати премьер-министра Турции Реджепа Тайипа Эрдогана // Бакинский рабочий. 2008. 21 августа.
6. *Марсель де Хаас.* Современная геостратегия Запада на Южном Кавказе: Перспектива появления миротворцев НАТО в регионе становится реальней Независимое военное обозрение. 2007. 9 февраля. 10 с.
7. Новости дня ООН Четверг, 30 ноября 2006 года. URL: <http://www.un.org/russian/news/daily/pdf/2006/30112006.pdf>
8. *Anatol Lieven.* The (Not So) Great Game, The National Interest. Washington. 1999/2000.
9. BBC. Армении просят признать целостность Азербайджана. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7661000/7661150.stm
10. *Garnik Nanagouljan.* The Post-Cold War Security Dilemma In the Transcaucasus. Harvard University 2000. 40 стр.
11. *Paul Starobin.* The New Great Game. National Journal; Washington, March 13. 1999.